

Aquilae alta volant...

**Памяти
Владимира Михайловича Галушина**

Биологическая наука Северной Евразии в уходящем году понесла очень тяжелую, горькую утрату, невосполнимую для орнитологов, экологов и природозащитников России и всех стран бывшего Советского Союза. И нет таких слов, чтобы выразить все чувства, вызванные этой неожиданной потерей...

Владимир Михайлович Галушин
(9 мая 1932 – 27 января 2024)

27 января 2024 года, на 92 году жизни, от нас ушел незабвенный Владимир Михайлович Галушин – доктор биологических наук, действительный член Российской Академии естественных наук, Почетный профессор Московского педагогического государственного университета, Почетный президент Рабочей группы по хищным птицам Северной Евразии, Почётный президент Русского общества сохранения и изучения птиц имени М.А. Мензбира.

Оборвалась еще одна ниточка, связывавшая нынешнее поколение орнитологов с Золотым веком советской орнитологии середины XX века. Мы потеряли яркого Учителя, талантливого ученого, замечательного друга и наставника, редкой души Человека.

Владимир Михайлович родился 9 мая 1932 г. в Архангельске, в семье комполка Михаила Яковлевича и педагога Юлии Адриановны.

Великую Отечественную войну семья Владимира Галушина встретила на Орловщине, откуда он вместе с мамой был эвакуирован в Горьковскую область. Несмотря на неоднократные переезды и смены сельских школ в военное лихолетье, десятилетку В.М. Галушин закончил с золотой медалью. Следующий этап – становление молодого орнитолога – проходил на биофаке Горьковского университета, где его знаменитые учителя И.И. Пузанов и Е.М. Воронцов смогли навсегда увлечь Владимира Михайловича своей наукой и неугасимым стремлением к путешествиям и познанию нового.

В годы учебы в Горьковском университете начались первые студенческие научные исследования на озерах Пустынской биостанции, первые путешествия по волжским берегам, а также дальние экспедиционные поездки. Будучи студентом 3 и 4 курсов, В.М. Галушин возглавил две длительные экспедиции на пустынный остров Барса-Кельмес, расположенный посреди Аральского моря в Казахстане, где в середине XIX века отбывал ссылку поэт Т.Г. Шевченко. Там в июне-июле 1953 и 1954 годов студенческой экспедицией были собраны обширные материалы по орнитофауне, которые позже В.М. Галушин обработал и опубликовал вместе с Л.С. Степаняном, своим другом и коллегой по МГПИ, в 4-м выпуске «Орнитологии» (1962).

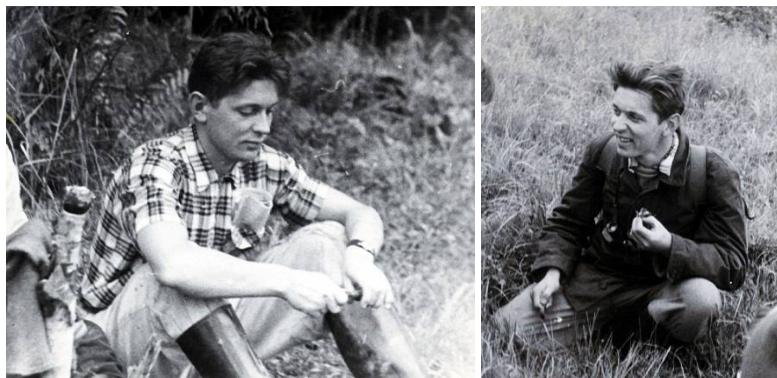
По Аральскому морю
на Барса-Кельмес,
и первый улов в море...
1953 год

С этих экспедиций началось познание Ойкумены, стремление увидеть все окраины которой не покидало Владимира Михайловича до последних дней жизни. Начав в 60-80-е годы XX века с Парижа, Индии и Афганистана, он затем объехал со временем почти все страны мира, посещая разные конгрессы, ассамблеи, конференции, совещания, чтения и воркшопы, на которые В.М. Галушина приглашали как ведущего специалиста СССР и России в вопросах изучения и охраны природы и

птиц, а также в экологическом просвещении населения. Всего в течение жизни он побывал более чем в 100 государствах, и везде его с нетерпением ждали многочисленные друзья и коллеги. А в память о своих поездках Владимир Михайлович оставлял себе в коллекцию подписанные пакетики с сахаром, который подавали в самолетах к чаю.

В 1955 году В.М. Галушин поступил в аспирантуру Ленинского пединститута в Москве, с которым затем остался связан всю свою дальнейшую трудовую жизнь, не считая длительных служебных командировок в Индию и Афганистан. В 1956 году молодой аспирант по рекомендации своего руководителя, профессора С.П. Наумова приехал в Окский заповедник, где начал заниматься изучением хищных птиц. Именно этим птицам были посвящены и самые первые научные статьи В.М. Галушина, опубликованные в 1958 году во 2-м выпуске Трудов Окского заповедника: «К экологии скопы в Окском заповеднике» (стр.158-161) и «Определение возраста птенцов черного коршуна» (стр.170-176). С тех пор его интересы навсегда заняли хищные птицы! И как признавался потом Владимир Михайлович, он ни разу не поднял на них своего ружья, изучая этих пернатых только нативными методами.

На Плещеевом озере в Ярославской области, 1961 год

В тот период в СССР была широко распространена кампания по борьбе с «вредными хищными птицами», которые, по мнению охотников и специалистов охотничьего хозяйства, наносили серьезный ущерб популяциям пернатой дичи. Для того, чтобы выяснить реальное значение пернатых хищников в природе, было необходимо провести их учёты, изучить их питание, а также выяснить численность их потенциальных жертв на достаточно больших территориях. Именно анализ таких данных мог убедить общественность и охотников в невинности хищных птиц. Этим и занялся аспирант Владимир Галушин.

Результаты его исследований стали основой доклада на научно-техническом совете Главохоты РСФСР и вышедшего затем приказа по Главному управлению охотничьего хозяйства и заповедников при Совете министров РСФСР «Об упорядочении регулирования численности хищных птиц», который был опубликован в 1964 году в журнале «Охота и охотничье хозяйство». Это был также главный итог работы Комиссии по хищным птицам, которую учредили при кафедре зоологии МГПИ. Комиссию возглавлял профессор С.П. Наумов, а его заместителем был тогда молодой орнитолог В.М. Галушин.

В.М. Галушин с молодым ястребом-тетеревятником в Дарвинском заповеднике. Фото В.М. Пескова, 1994 год

По результатам своих исследований В.М. Галушин в 1966 году защитил кандидатскую диссертацию «Состав и динамика населения хищных птиц Европейского центра СССР», а в 2006 г., продолжая начатую в молодости работу с пернатыми хищниками, он подготовил и блестяще защитил докторскую диссертацию в виде научного доклада «Адаптивные стратегии хищных птиц», в которой разрабатывались концепции толерантной орнитологии, направленной на оптимизацию системы охраны птиц и на снижение исследовательского пресса на их популяции.

Защита докторской диссертации. Москва, 20.03.2006

Замечательные книги В.М. Галушина «Хищные птицы» (1970) и «Хищные птицы леса» (1980), написанные на основе собственных наблюдений и анализа огромной массы опубликованных зарубежных работ, способствовали распространению знаний по экологии хищных птиц и изменению отношения к ним среди широких слоев населения. Они помогли заложить основы нового экологического мышления и азы охраны природы, а также послужили путеводными нитями для многочисленных молодых орнитологов-исследователей, начинавших свой путь в науке.

Основной же теоретической работой В.М. Галушина в этом цикле исследований пернатых хищников можно назвать его капитальную, фундаментальную сводку «Роль хищных птиц в экосистемах», опубликованную в сборнике ВИНТИ АН СССР «Итоги науки и техники, том 11.- С.158-238 (Галушин, 1982). В ней подробно, на обширном материале рассмотрены методики исследования трофических связей пернатых хищников, реальный пресс их хищничества на различные виды жертв, функционирование экосистемы «хищник-жертва» в различных условиях, а также эволюционная роль хищных птиц.

Со своими учениками в Оренбургских степях и на XVIII Международном орнитологическом Конгрессе в Москве, 1982 год

В.М. Галушин успел подготовить 18 кандидатов наук и консультировал работу над диссертациями еще более 30 молодых специалистов в разных регионах Северной Евразии. Он входил в состав нескольких

диссертационных советов и редколлегий научных журналов. Всего им опубликовано свыше 400 работ, в том числе более 80 статей на английском языке, включая более 200 научных и 150 учебно-методических публикаций и 5 учебников для школы и ВУЗов. В.М. Галушин – автор трех научных монографий по хищным птицам и соавтор ряда фундаментальных сводок: «Жизнь животных», «Фауна мира», «Красные книги» СССР, РСФСР, Российской Федерации и «Birds in Europe, 1994».

На экскурсии в заповеднике «Калужские засеки», 2006 год

В течение почти 70 лет жизни Владимир Михайлович прошел в МГПИ–МПУ путь по ступенькам от аспиранта и ассистента, до старшего преподавателя, доцента и профессора кафедры зоологии и экологии. А с 2006 года В.М. Галушин по совместительству преподавал экологию также на кафедре биогеографии МГУ имени М.В. Ломоносова. Все эти годы были отданы им делу обучения и воспитания студентов, аспирантов, учителей биологии и экологии, подготовке различных учебников, многочисленных лекций, выступлений на конференциях, телевизионных передач, в том числе особенно памятной многим серии «В мире животных». За многолетний и плодотворный труд в университете Владимир Михайлович в 2016 году был удостоен высокой награды – звания «Почётный профессор Московского педагогического государственного университета». А в знак признательности родному университету В.М. Галушин передал на кафедру зоологии всю свою обширную орнитологическую библиотеку.

В период работы в МГПИ Министерство просвещения СССР направляло В.М. Галушина в длительные заграничные командировки

по линии ЮНЕСКО сначала в Индию (1967–1971), а затем в Афганистан (1982–1986), где он занимался формированием национальных систем образования. В воюющем, полном опасностей Афганистане Владимир Михайлович был руководителем международного проекта по созданию Кабульского пединститута, который функционирует до сих пор. И конечно же, в свободное от основной работы время он проводил наблюдения за хищными птицами, которые в этой стране были практически не изучены.

В.М. Галушин и А.Ф. Ковшарь в министерском кабинете у Д.С. Сапармурадова. Ашхабад, Туркменистан, 2007 год

Владимир Михайлович внес огромный личный вклад в работу многих отечественных и международных общественных организаций, связанных с изучением и охраной природы, птиц и особенно – своих любимых пернатых хищников, настоящих Аристократов Неба.

В 1988 году, после возвращения из Афганистана, на II конференции Рабочей группы по хищным птицам в Киеве, В.М. Галушина избрали председателем РГХП, и вплоть до 2012 года он оставался бесшумным руководителем многочисленной когорты раптологов Северной Евразии. А в 2012 году в Кривом Роге на Украине, на VI Международной конференции по соколообразным и совам Северной Евразии, его избрали Почетным Президентом РГХП. В 2001–2005 гг. В.М. Галушин возглавлял также Союз охраны птиц России, а в 2012–2019 гг. – Русское общество сохранения и изучения птиц им. М.А. Мензбира.

В 1969–2004 гг. В.М. Галушин был членом Комиссии по природоохранному просвещению Международного союза охраны природы

(МСОП), в 1992–2006 гг. – Вице-президентом Всемирной ассоциации по изучению и охране хищных птиц, а в 1986–2004 гг. – членом Президиума Центрального Совета Всероссийского общества охраны природы (ВООП). В.М. Галушин принимал активное участие в организации и работе более 100 международных и отечественных конференций по зоологии, экологии и экологическому просвещению, том числе четырех Международных орнитологических конгрессов в 1970 г. в Нидерландах; в 1982 г. в Москве; в 1994 г. в Австрии; в 1998 г. в Южной Африке, а также пяти Генеральных ассамблей Международного союза охраны природы в 1969 г. в Дели; в 1972 г. в Канаде; в 1975 г. в Заире; в 1976 г. в Женеве и в 1978 г. в Ашхабаде.

В.М. Галушин читает лекцию в Ашхабаде, 2007 год

В.М. Галушин награжден медалями «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» (1970) и «850-летие Москвы» (1997), а также удостоен почетных званий «Отличник просвещения СССР» (1970), «Заслуженный эколог Российской Федерации» (1999) и «Почетный работник охраны природы» (2007).

Владимир Михайлович Галушин снискал самый высокий авторитет среди отечественной и международной научной и природоохранной общественности. За свою долгую и насыщенную делами жизнь он сделал очень много для людей и природы и оставил о себе самую добрую память. Владимира Михайловича всегда отличала неизменная доброжелательность, открытость и полная демократичность в общении с коллегами. В различных беседах и выступлениях или на он-лайн встречах Владимира Михайловича до последних дней жизни выделяла глубокая интеллигентность, которую старались перенять у него его верные ученики. Он щедро делился своими позитивными отзывами с соискателями

докторских и кандидатских степеней, с авторами книг и учебников. И всегда его безусловным приоритетом был компромисс над конфликтностью – важнейший базовый принцип сосуществования в любом социуме, а также бережное, внимательное отношение к коллегам и ученикам.

Почетный Президент Рабочей группы по хищным птицам.
Открытие VII Международной конференции
по хищным птицам Северной Евразии в Сочи, 2016 год

В.М. Галушин прожил большую, яркую, интересную и богатую событиями жизнь. Вглядываясь сейчас в эти шаги и дороги Владимира Михайловича на его долгом жизненном пути, мы отчетливо представляем его таким же Аристократом Неба, как и его любимые хищные птицы.

И сейчас невозможно свыкнуться с мыслью, что мы больше не услышим голоса В.М. Галушина, что он уже не улыбнется нам, не пожмет нам руку. Нам всем теперь будет крайне не хватать его советов, его добрых слов, всемерной поддержки в работе и жизни. Но пока мы помним о Владимире Михайловиче, он будет жить вместе с нами.

Светлая и вечная ему наша память!

Приносим глубокие соболезнования родным и близким Владимира Михайловича, всем его коллегам и всему нашему орнитологическому сообществу.

В.Белик, И.Жигарев, А.Ковшарь, Э.Рустамов, В.Мельников, А.Мищенко, А.Салтыков, В.Зубакин, И.Черничко, А.Давыгора, С.Корнев, О.Вепринцева, В.Ильяшенко, Е.Ильяшенко, А.Белоусова, В.Фролов, А.Кузнецов, А.Шариков, Е.Шергалин и другие коллеги

Уход Владимира Михайловича из жизни не оставил равнодушным никого из друзей и коллег, которые знали его многие десятилетия. Глубина этой утраты – в словах, откликах и воспоминаниях, пришедших в ответ на горькую, прискорбную весть. Некоторые из них мы приводим ниже.

Дорогие орнитологи России и стран бывшего СССР!

Печальная весть об уходе Владимира Михайловича Галушина воспринимается с трудом. Это тяжелая утрата для орнитологии всей Северной Евразии. С ним уходит целая эпоха, в которой Владимир Михайлович был знаковой фигурой.

Нет слов, чтобы выразить все чувства, вызванное этой неожиданной, несмотря на его возраст, новостью. За свою долгую и насыщенную делами жизнь он сделал очень много и оставил о себе хорошую память, особенно у тех, кто знал его многие десятилетия. И мы, его коллегисотоварищи, никогда его не забудем...

Мои глубокие соболезнования всем российским орнитологам, родным и близким Владимира Михайловича.

От имени казахстанских орнитологов и от себя лично

А.Ф. Ковшарь, д.б.н., профессор,
Алматы

Ашхабад в дожде – орнитологи в Туркменистане плачут: не стало Великого орнитолога...

Дождливое пасмурное утро в Ашхабаде, куда я вернулся минувшей ночью, еще более омрачилось известием о кончине дорого моему сердцу человека. Не радуется и удачная экспедиция на Каспий...

Нет слов, чтобы выразить все чувства потери. Пишу то, что приходит в голову в эти минуты.

Владимир Михайлович был не только знаковой фигурой уходящей эпохи для ученых, занимающихся изучением хищных птиц, изучением птиц вообще, он являлся ЗНАМЕНЕМ и ЗНАМЕНИЕМ времени, уходящего теперь навсегда. Однако тот вклад, который сделал Владимир Михайлович как орнитолог-знаменосец, как педагог-просвещенец, как ученый и организатор науки – никогда не уйдет, он останется в нашей памяти, в его научных трудах и учебниках.

Спите спокойно, дорогой Владимир Михайлович, частицы Вашей души, которую Вы оставляли, будучи не раз в Ашхабаде (последний раз в декабре 2006 г. вместе с А.Ф. Ковшарем), живут и вдохновляют благодарных Вам орнитологов Туркменистана...

С глубокой скорбью,

Э.А. Рустамов, д.б.н., профессор,
Ашхабад

Владимир Михайлович Галушин был душой кафедры зоологии и экологии. Бывшие аспиранты этой кафедры навсегда запомнят незабываемую ауру добра и уюта, а также искрящийся юмор застолий и упорного труда!

Л.Н. Воронов, д.б.н., профессор,
Чебоксары

Нет слов, чтобы выразить боль этой утраты.

Действительно, до последних дней Владимир Михайлович был путеводной звездой в лабиринтах наших скитаний. Мы всегда радовались любой весточке от него! Он Всех помнил и всем что-то сообщал. Светлая ему память, соболезнование его близким.

И.И. Черничко, д.б.н.,
Украина

Владимир Михайлович был авторитетом и нравственным камертоном для всех. Благодаря этому его голос был так важен для всех орнитологов. Владимир Михайлович стал одним из первых, кто начал писать о толерантной орнитологии и об ответственном отношении к объектам исследования. Это бесценно, что именно Владимир Михайлович заговорил об этой чувствительной теме, которая очень важна, особенно для тех, кто занимается редкими видами. Но теперь нам надо продолжать эту тему без него и в знак нашей памяти и уважения к нему.

Для нас всех Владимир Михайлович Галушин – важная часть нашей жизни и нашего мировосприятия. Очень хочется, чтобы те, кто идут на смену, тоже узнали о нем. Давайте подумаем об увековечивании – «Галушинские чтения», по-моему, звучит актуально.

А.В. Белоусова, к.б.н.,
Москва

Какой удар! Невосполнимая потеря!

Владимир Михайлович Галушин – дружелюбный, энергичный, образованнейший, эрудит с широчайшим кругозором, надежный, доступный, авторитетный ученый, к которому легко было обратиться за советом и помощью, и получить её.

Имя его не уйдет из моей благодарной памяти.

О.Д. Вепринцева,
Руководитель Фонотеки голосов животных
им. Б.Н. Вепринцева, Москва

Очень печальная весть...

Казалось, что с такими людьми, как Владимир Михайлович, никогда ничего не должно случиться... Невосполнимая утрата для всех нас. Память о Владимире Михайловиче навсегда останется в наших сердцах и душах... Глубокие соболезнования родным и близким, всему орнитологическому сообществу.

Скорбим, светлая память...

С.В. Корнев,
Оренбург

Невозможно поверить! Всегда такой обаятельный, доброжелательный, рассудительный, общительный, балагур и весельчак. При этом очень эрудированный. Настоящий Мастер, Учитель.

Как будто ушла целая эпоха.

Вечная память! Глубокие соболезнования родным, близким и всем коллегам.

Д.Е. Те, Москва

В.М. Галушин – кафедра – коллеги – ученики

Вспоминается ... 1957 год... На кафедре зоологии МГПИ расширились возможности учебного процесса, увеличилось число читаемых дисциплин. Заведующий кафедрой, профессор Сергей Павлович Наумов принимает решение пригласить новых, молодых сотрудников. Так появились в коллективе кафедры, закончившие аспирантуру Владимир Галушин и Инесса Шарова, учитель биологии Светлана Шаталова и окончивший Биофак МГУ – Лео Степанян. И побежали вместе, ведомые аксакалами многие последующие десятилетия. А аксакалы – известные ученые-зоологи профессор С.П. Наумов, профессор М.С. Гиляров, профессор Ф.Н. Правдин, профессор А.В. Михеев, доцент В.И. Орлов.

Кафедра, преодолевая кризисное состояние в биологии, развивала научные исследования, привлекая молодежь к сотрудничеству через увлекательный учебный процесс, летние полевые практики, экспедиции, расширившуюся аспирантуру. Вспоминаются аспиранты-позвоночники тех лет – Тимофей Ким, Галя Сидорова, Феликс Иванов, Майя Тихвинская, Вероника Маркузе...

В конце 1950-х в коллектив кафедры успешно влились преподаватели Московского Городского Педагогического института – И.И. Малевич, Т.А. Адольф, М.Н. Чугунова, В.Г. Матвеева и Владимир Бутьев. Оформлялись научные школы, в том числе солидным капиталом кафедры стала школа орнитологов МГПИ – МПГУ. Позднее в ее обойму влились и В.М. Константинов, и А.О. Шубин, и С.А. Полозов. Ныне новые имена – Шариков А.В., Мосалов А.А., Шитиков Д.А., Макарова Т.В., Ковинька Т.С. – орнитологи, птенцы гнезда кафедры зоологии и экологии.

Владимир Галушин был изначально замечен – его непременным свойством была умная доброта. Это словосочетание я обнаружила в высказываниях одного из замечательных знатоков русского языка, и оно как нельзя лучше соотносится с образом нашего друга. Всегда внимателен к собеседникам любого возраста – к студентам, к коллегам, к своим учителям. Вокруг его стола постоянно толпились и прелестные студентки, и увлеченные юноши, и пришедшие посоветоваться коллеги.

Увлечений у Володи было не счесть. В том числе помню его участие в институтских спектаклях студии Довлатова – с всегда заметными репликами, выражением лица, принятыми позами. Мы с удовольствием приходили на эти спектакли в 9-й аудитории Главного корпуса.

Он непременно посещал открывавшиеся выставки художников, много читал. Помню, как мы бежали все вместе на выставку Рериха, в стены Третьяковки, в музей им. А.С. Пушкина, а потом долго обсуждали увиденное. Или зачитывались Ремарком... Или обсуждали проблемы, сложившиеся в стране, в мире, на кафедре.

Сложившийся коллектив был готов активно воспринимать жизнь во всех ее проявлениях, а Володя – всегда был на шаг впереди. Мы дружили семьями, знали нужды и поддерживали друг друга, с удовольствием встречались и танцевали на посиделках в стенах кафедры или в домах друзей и наших учителей. Мы с уважением относились к нашим учителям и коллегам по факультету, зная друг друга поименно на всех этажах обоих корпусов, обсуждая назревавшие проблемы. С теплом вспоминаю, что Володя отредактировал мою первую научную статью в Зоологический журнал, посвященную изучению содержимого погадок хищных птиц.

Профессиональное увлечение хищными птицами углубляло интерес Володи ко всем сферам жизни. Усердно учил английский язык, успешно работал в области просвещения за рубежом, исколесил земной шар в поисках знакомого... Над его рабочим столом висит карта, густо покрытая значками в местах его пребывания в странах мира – многие могут похвастаться их обилием, а эта карта – своеобразное лицо, отражающее связи кафедры с внешним миром. Но непременно, пожалуй, надо подчеркнуть – Володя всегда испытывал ностальгию по alma mater, по родной кафедре, и с радостью возвращался в родной дом, а мы с нетерпением его ждали.

Зоологи МПГУ в 1992 г.: С.А. Полозов, С.П. Шаталова, В.М. Галушин, В.Т. Бутьев, И.А. Жигарев, В.М. Константинов, А.Б. Костин, А.О. Шубин

Случались и неприятные неожиданности: то дубленку украли, то машину на юге угнали, то..., но он никогда не мрачнел и все встречал с легкой улыбкой.

Приходит на память, как свои выступления – лекции, доклады,

беседы он нередко начинал словами: «Народ, послушайте...» – и далее по существу, но всегда с хорошо обдуманной мыслью во благо решения какой-либо проблемы. И так во всем. Я не припомню ни одного случая раздражительности или повышенного голоса. Интеллигентность во всех проявлениях – это замечательное свойство, которым владел Володя.

По ходу жизни, несмотря на множество увлечений и отвлечений, у В.М. Галушина росла плеяда учеников: Анатолий Давыгора, Алексей Костин, Андрей Кузнецов, Мирослав Бабушкин, Дима Соловков, Володя Мельников, Наташа Захарова (Кубарева), Светлана Меньшикова, Надя Егорова, Андрей Недосекин, Денис Богомолов, Юля Нагайцева, да простят меня те, кого не назвала по имени.

Но судьба хищных птиц в стране изучалась под бдительным наблюдением специалистов, выращенных при участии Учителя – Владимира Михайловича Галушина, профессора, доктора биологических наук. Его ученики, выпускники кафедры, воспитывались не только в недрах факультета. Плеяда росла и в результате организованных под руководством кафедры Совещаний зоологов педвузов, и в результате проходивших многие годы на кафедре Курсов повышения квалификации преподавателей педвузов (ФПК). В организации этих мероприятий непременно участвовал и Владимир Галушин.

Трудно поверить, что Галушина не стало. Он и сейчас здесь, с нами, только отлучился куда-то, то ли в командировку, то ли на практику, то ли в экспедицию... Может позвонить? Ведь непременно Татьяна трубку возьмет...

С.П. Шаталова,
доцент кафедры зоологии и экологии
Института биологии и химии МПГУ

Памяти В.М. Галушина

Кем-то высказана здравая мысль, что жизнь измеряется не столько годами, сколько суммой впечатлений, накопленных человеком. Для нас – участников «восточной кампании», оказавшихся по воле рока в период с 1979 по 1989 г. в Афганистане, полученные там впечатления перевешивают все другие. Не только потому, что надо было приспосабливаться к выстрелам из-за угла, к трассирующим автоматным очередям каждую ночь, к минометным обстрелам города Кабул, к терактам, но и к сверх эмоциональному пережитому напряжению.

Контракт Министерства просвещения СССР по линии ЮНЕСКО по оказанию помощи в работе министерства образования ДРА предполагал экстренное формирование группы советских специалистов и отправку их в горячую точку. Времени на раздумья не было: требовалось

либо срочное согласие, либо отказ.

Я согласился и с 1982 по 1985 г. работал в Демократической Республике Афганистан в составе этой группы. Нашей задачей было создание первого в Афганистане педагогического института. Там я и познакомился с замечательным человеком Владимиром Михайловичем Галушиным – руководителем нашего контракта и координатором ЮНЕСКО в ДРА.

Интеллигентный и обаятельный В.М. Галушин был очень требовательным к себе и этого же требовал от нас. И требования эти были связаны с суровыми условиями жизни в Кабуле. Там шла война.

В.М. Галушин –
координатор ЮНЕСКО в ДРА (1985 г.)

Каждый, кто общался с Владимиром Михайловичем в эти годы, ощущал на себе его огромный социальный заряд и удивительную энергетику. Ему не надо было приказывать, повышать голос, он просто говорил, что надо делать, и этого было достаточно. Он пользовался таким огромным авторитетом, уважением и любовью, что са-

мым большим наказанием для нас было вызвать у него молчаливое недоумение. Очень быстро у нас в контракте сложились не просто рабочие товарищеские отношения, но и поистине крепкая дружба, длиною на всю жизнь.

Работа в военное время в рамках контракта ЮНЕСКО позволила раскрыться яркому дипломатическому дару Галушина. К нам регулярно направлялись миссии ООН по проверке работы педагогического института. Международные чиновники даже не скрывали, что прибыли с единственной целью – закрыть советский контракт. Но ни одной миссии так и не удалось найти повод для этого.

С поставленной задачей мы успешно справились. Были подготовлены национальные кадры, учебно-методическая литература, материально-техническая база. Через три года Кабульский педагогический институт мог уже конкурировать с Кабульским политехническим университетом, имевшим 20-летнюю историю. Это стало возможным

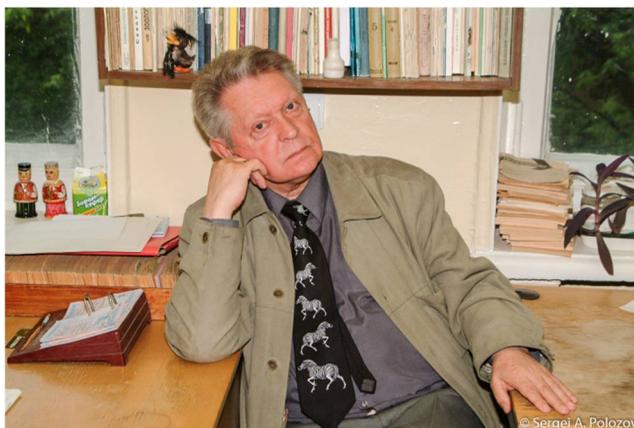
потому, что у нас был замечательный руководитель, профессор Института биологии и химии МПГУ Владимир Михайлович Галушин, которому я многим обязан, считаю своим учителем, наставником и большим другом.

Г.З. Казиев,
доктор химических наук, профессор МПГУ

Вместе с Галушиным

Впервые увидев В.М. Галушина будучи еще студентом, я познакомился с ним лишь став аспирантом. А в тот самый первый раз, поджидая на кафедре зоологии МГПИ им. В.И. Ленина профессора А.В. Михеева, чтобы обсудить свою курсовую, я увидел незнакомого мне поджарого мужчину, который спешил к телефону, а взяв трубку, начал говорить по-английски, что по тем далеким Советским временам было все-таки необычно. Так я узнал, что на кафедре есть доцент В.М. Галушин, который только что вернулся после нескольких лет работы в Индии.

Поступив в аспирантуру и уже вплотную приобщившись к кафедральной жизни, я начал общаться с В.М. Галушиным регулярно, и сложилось так, что он многократно по-разному помогал мне в самых разных ситуациях.

Владимир Михайлович Галушин на кафедре зоологии. 20.05.2005

Начну с того, что сразу после утверждения моей темы по экологии жаворонков и выбора юго-западной Туркмении как региона для полевых работ, я именно по рекомендации В.М. Галушина отправился в Окский заповедник к его близкому другу – С.Г. Приклонскому, чтобы

научиться у него, как делать лучки для отлова птиц. С Приклонским мы, конечно же, обсуждали Галушина, да и молодые сотрудники заповедника, которые жили там дружной командой и с которыми мне довелось тогда пообщаться (А. Нумеров, Ю. Маркин, Ю. Котюков и др.), тоже знали Галушина, так что в наших разговорах часто упоминалось его имя.

Настоящее профессиональное сотрудничество началось у нас с В.М. Галушиным в 1980 г. с идеи создания РГХП (Рабочей Группы по Хищным Птицам). Сложилось так, что после долгой предварительной работы, уже ближе к моменту сбора материалов для сборника работ первой учредительной конференции, Галушин был командирован в Афганистан в роли руководителя проекта ЮНЕСКО по созданию Кабульского педагогического института. Он уехал; стратегическое руководство группой осталось в руках В.Е. Флинта, а мы с аспирантом нашей кафедры А. Давыгорой занялись повседневной работой по подготовке и проведению конференции.

Это было прекрасное время некой, я бы сказал, здоровой орнитологической эйфории, когда множество людей, увлеченных наукой и птицами, активно занимались исследованиями, а ведущие орнитологи в столице и в регионах оказались готовы к объединению усилий и оформлению орнитологии как организованной науки. Именно на волне этих процессов, в стимулировании которых В.М. Галушин принимал непосредственное участие, в 1983 г. прошла первая учредительная конференция РГХП, запомнившаяся всем участникам радостью вдохновенного общения и обмена результатами работ по изучению хищных птиц всего СССР. Галушин тогда прислал приветствие из Афганистана; его участие ощущалось во всем, и то, что впоследствии он был единогласно избран председателем РГХП (и четверть века руководил ею), было для всех совершенно естественно.

Ну а на следующий день после конференции РГХП большинство ее участников перекочевали в Палеонтологический музей к Е.Н. Курочкину для организации Всесоюзного Орнитологического Общества (ВОО), ставшего предшественником нынешнего Мензбировского орнитологического общества. В создании ВОО и в его последующей работе В.М. Галушин принимал непосредственное участие как организатор и руководитель на протяжении многих и многих лет.

В 1985 году я был командирован Министерством Просвещения (не без участия В.М. Галушина) в Афганистан в качестве советника проекта ЮНЕСКО, и там наше общение стало еще более тесным, продолжаясь в ежедневном сотрудничестве (да и жили мы вместе). Являясь директором проекта ЮНЕСКО, В.М. Галушин, помимо своих прямых рабочих обязанностей, выполнял и такую важную, неформальную

функцию, как установление контактов и отношений между иностранными сотрудниками ООН в Кабуле и нами, Советскими специалистами – «шурави», что было весьма непросто в период военного присутствия СССР в ДРА и требовало больших дипломатических способностей.

Человеческие качества и дипломатический талант В.М. Галушина проявились в Афганистане в полной мере (от выплаты задержанной зарплаты сотрудникам проекта из собственного кармана, до «разруливания» всевозможных рабочих и личных конфликтов). Я уже писал об этом в книжке про ястребиного орла, так что приведу здесь лишь короткий отрывок, где В.М. Галушин фигурирует под именем «Володин»:

«... Порой, минуя охранника с автоматом, я прихожу в володинский ооновский офис выпить кофе. Здравуюсь с Наби, его элегантным секретарем – высоким крепким афганцем западного склада, проработавшим десять лет в Штатах (интересно, шпионит он за нами или нет?), вслепую печатающим на английском и на дари, иронически улыбающимся на наши шутки и остроты, но никогда не присоединяющимся к неформальным разговорам «белых боссов».

Подчеркнуто дружелюбно киваю ханумке средних лет, неподвижно сидящей в углу на стуле со стеклянным взглядом, каждый раз судорожно скукоживающейся от моих приветствий.

— Привет! Кофе будешь? – Володин не прочь оторваться от своих бумаг по поводу моего прихода.

— Буду. – Вообще-то я кофе не жаловал до приезда сюда, но уже научился пить его в любое время дня на ооновских тусовках.

Володин по-английски обращается к Наби, тот на дари – к ханумке-статуе. Она встает, как робот-мумия, и молча выполняет простые движения, наливая и подавая мне кофе, пиалушку с маленькими кусочками сахара, блюдечко с ореховым печеньем, а потом опять садится на свой стул с по-прежнему непроницаемым лицом. Ритуал, порядок, иерархия. Восток. Три языка друг за другом, и все из-за одной чашки кофе. Вот она, чарующая и неподдельная прелесть бытия...

Я присаживаюсь у окна, рассматривая буднично копошащийся внизу Кабул... Пиджак бы снять, но при Наби, в этом офисе, вроде как на ооновской территории, неудобно в открытую с пистолетом. Распускаю галстук и достаю из дипломата бинокль. Через оконное стекло видно нечетко, но все-таки.

— Эй ты, псих, хоть отступи от окна, совсем-то уж откровенно не дразни снайперов... – Володин, пожимая плечами, крутит у виска пальцем и продолжает перебирать бумаги, сидя под голубым флагом, как настоящий азиатско-ооновский босс. Башлык...

... Рамазан!.. Сегодня вторник, на работу теперь в субботу...

Взяли с Володиным бинокли и отправились в честь праздничка хотя бы по охраняемой округе в микрорайоне птиц посмотреть. Забавно, как все меняется, лишь только выходим «на птичек», словно в другое измерение попадаем. Работая с Володиным вместе на кафедре (столы рядом), в поле вместе ни разу не были.

Плюс, конечно, местный колорит: стоим на мосту через сейчас сухое речное русло посреди города, охотники не охотники; шпионы не шпионы; гражданские не гражданские; военные не военные; и не будни, но для нас и не праздник; вроде и не до этого, а рассматриваем птиц в бинокли и обсуждаем, какие же перед нами на речной гальке трясогузки расхаживают, качают гузками, можно даже сказать, трясут... Как говорят здесь дукашники, всучивая товар, – «очень прекрасно».

... Ооновцы расспрашивают здесь нас о разном с неподдельным интересом; к нам в международной колонии особое внимание: вроде мы при ЮНЕСКО, но и **красные** одновременно. А уж Володин и вообще – ооновский босс, тертый международный калач; уважают его буржуи, прислушиваются к его мнению; особенно, когда ситуация припрет; это ведь не Женева, это Кабул, здесь мнение шурави особый вес имеет (а уж если он по-английски изъясняется, то и подавно).

Большинство из иностранцев конечно же не верит, что Володин и вправду орнитолог, посмеиваются понимающе, мол, знаем, знаем, мы эту дипломатическую орнитологию; ой, потеха, напридумает же там ваше политбюро вместе с КГБ...

А один раз приехал австриец, увлекающийся бёрдвотчингом, так его специально на Володина натравили, чтобы «легенду» расшатать. А Володин ему спокойно так, да, мол, конечно, очень интересный вид... А вот такого-то вида вы не наблюдали? Напрасно, напрасно, обязательно посетите Южную Америку... А под конец и вовсе умыл буржуя, миролюбиво засыпав уже сконфуженное любительско-орнитологическое самолюбие гостя чередой мимоходом упомянутых авторов книг-статей, названий птиц и перечнем мест на всех континентах, где этих птичек сам Володин вместе с этими авторами и наблюдал... Тут уж ооновская общественность еще больше его зауважала («...ну и подготовка у русских...»).

... Вечером после кино в клубе и променада по майдану подошли к подъезду: темно, тепло, домой не хочется... Сели на скамейку, завели какой-то разговор на предмет морально-аморальных мировых проблем; орали, орали; Ханум говорит, мол, вы что, больные что ли, так распалаетесь, когда трезвые?

И в этот момент в кусте у нас за спиной запело какое-то ночное насекомое, ни разу такое не слышал. Володин вскочил, полез туда, но

что увидишь в темноте? Так он не поленился, сходил на второй этаж за фонариком. Потом на коленках ползали с ним вокруг этого куста, пока Ханум подошедшим царандоевцам-охранникам пыталась объяснить, что мы делаем...

... Из окна «тойоты» мы раз за разом рассматривали окружающие Кабул, но недоступные для нас предгорья Гиндукуша, шемяще похожие на Копетдаг, – даже пыль и ветер там пахли так же, как в Туркмении. При этом мы нередко говорили о фасциатусе, встречающемся и в Афганистане тоже, и порой всерьез высматривали его в парящей на горизонте хищной птице...».

Когда В.М. Галушин вернулся на кафедру зоологии МГПИ после работы в ДРА, наше сотрудничество всегда включало не только кафедральные дела, но и массу других приключений. Примером одного из них стал случай, когда во время отпуска, при остановке на озере Тамбукан в Ставропольском крае, у него украли машину. Ситуация казалась безнадежной, но после звонка из Москвы от знакомого по работе в ДРА генерала КГБ машина (уже со сбитыми номерами) вдруг сама-собой сразу нашлась, и Галушин пригласил меня поехать с ним за ней, чтобы перегнать ее в Москву.

К нам присоединилась Л.В. Маловичко, и мы втроем по дороге в Москву прекрасно провели время, запомнившееся мне среди прочего тем, как В.М. Галушин вёл машину. Его облик за рулем всегда сильно отличался от его облика как лектора, рассказчика или собеседника. Он мог рулить часами как терминатор: не меняя позы, не отрывая рук от руля, без усталости, не отвлекаясь, с профессиональной шоферской концентрацией внимания, столь отличающейся от любительского «рекреационного» вождения. Без ложного драматизма могу сказать, что за время пути у нас было несколько моментов с крайне сложным ночным вождением, в полной темноте, под проливным дождем, но В.М. Галушин не допустил тогда ни одной ошибки.

Эта поездка вобрала в себя так много смешного и интересного, что по приезде я сочинил про нее шуточную пьесу для кафедральной самодеятельности и прочитал ее на кафедре. Смеялись так, что В.М. Константинов вытирал глаза, сняв очки и стряхивая слезы с бороды; Л.С. Степанян молча трясся от смеха, попыхивая своей неизменной трубкой; В.Т. Бутьев, задыхаясь от хохота, топал ногами и барабанил кулаком по столу, мешая мне читать, а профессор А.В. Михеев посмеивался не столько над текстом, сколько глядя на коллег вокруг...

Так В.М. Галушин стал героем очередного приключенческого детектива, органично вписавшегося в бесконечную череду студенческих легенд о его полевых практиках и экспедициях.

Все, кто общался с В.М. Галушиным, знают, что он был прекрасным рассказчиком. Я много слышал от него про птиц, природу и людей разных стран. Поэтому, попав первый раз в Индию, я уже был готов к встрече с красочно описанными им черными коршунами, во множестве населяющими индийские города. Стоя на балконе поднебесного этажа над крышами Бомбея и наблюдая пилотаж и пируэты этих изящных птиц, с ювелирной точностью выхватывающих приманку из моих рук, я непроизвольно вспоминал рассказы Галушина про Индию, оставившую неизгладимый отпечаток на всей его жизни. С каким же оживлением мы обсуждали с ним Индию и этих коршунов, когда я вернулся в Москву!

После того как в 1993 г. я, неожиданно сам для себя, оказался в США, в нашем общении с В.М. Галушиным началась новая полоса, отмеченная частыми письмами, звонками и встречами один-два раза в год во время моих командировок в Россию. В один из таких приездов он позвонил и сказал: «Сергея, приезжай завтра, я должен познакомиться тебя с Песковым!». Как и многие мои сверстники, я вырос на статьях В.М. Пескова в «Комсомолке» и хорошо знал его книги. Не будет преувеличением сказать, что он был для меня, в бытность мою школьником и студентом, живым классиком.

В.М. Галушин и С.А. Полозов на кафедре зоологии. 28.12.2016

Мы встретились дома у Галушиных и благодаря гостеприимству хозяев и столь располагающей к общению обстановке, всегда создаваемой В.М. Галушиным и его женой Татьяной (многие, читающие эти строки, бывали у Галушиных в гостях и прекрасно знают, о чем я говорю), наше знакомство произошло не просто легко и естественно, оно само-собой сразу превратилось во что-то большее, вылившееся потом в столь важное для меня общение с В.М. Песковым. Это к тому, что, зная вся и всех, В.М. Галушин очень щедро помогал самым разным людям в установлении контактов и никогда позже не ревновал их к уже новым, развивавшимся между ними отношениям.

В.М. Галушин намного опередил всех нас в своем активном международном сотрудничестве. На протяжении многих лет именно он представлял отечественную орнитологию на международной арене, лично зная ведущих орнитологов разных стран и участвуя в самых разных международных конференциях. С началом перестройки и появившимся возможностями ездить за границу, именно В.М. Галушин помог многим в их первых международных шагах.

Всегда помня об этом, я каждый раз, наблюдая белоголового орлана в Орегоне, канюка в Балашихе или сипа в Туркменистане, думал и думаю о том, что все они – как привет Галушину и от Галушина; и что для всех хищных птиц, как и для В.М. Галушина, посвятившего свою жизнь их изучению, все политические границы или не существуют вообще, или же не более, чем условность.

Завершая, я задаюсь вопросом о том, как же мне резюмировать свое отношение к В.М. Галушину и к его кончине. Во-первых, как это часто бывает с близкими и дорогими людьми, в его уход верится с трудом. Умом понимаешь, что к чему, но подсознательно продолжаешь ощущать, словно он в очередном отъезде и просто поэтому сейчас недоступен для связи; продолжаешь общаться мысленно...

Про остальное трудно говорить, избегая высоких слов... Столь яркая жизнь, столь разносторонняя личность; талант, энергия, притягательность человеческого обаяния; постоянная помощь очень многим из тех, кому повезло повстречаться с ним по жизни, и кто еще не один раз вспомнит с друзьями: «А вот мы, однажды, вместе с Галушиным...».

Спасибо, поклон и светлая память!

Сергей А. Полозов,
профессор, декан ф-та естественных наук ун-та Ворнер Пасифик
(Портленд, Орегон, США)

Как же Вас не хватает нам, дорогой наш Владимир Михайлович!

Такое ощущение, что на нашей кафедре биогеографии географического факультета Московского университета Владимир Михайлович был всегда! Даже трудно вспомнить, когда же он пришел к нам, потому что с самого первого дня это была именно органическая связь с нашим биогеографическим сообществом, очень тесная, очень важная, очень необходимая – такое впечатление, что он был с нами всегда! А закроешь глаза – и сразу почувствуешь, что он и сейчас рядом с нами, среди нас...

Его любили все – и студенты, и аспиранты, и преподаватели. По многим причинам. Он принадлежит к той замечательной фратрии преподавателей, которые встречаются в научной среде нечасто. Я всегда с глубокой благодарностью вспоминаю этих преподавателей, наших замечательных наставников – Александра Петровича Кузякина, Александра Михайловича Чельцова-Бебутова, Георгия Ивановича Рычагова, Николая Алексеевича Гладкова, Дмитрия Александровича Криволуцкого и, конечно, дорогого Владимира Михайловича Галушина. С любым вопросом, в любое время можно было к ним обратиться и получить исчерпывающий ответ на интересующий нас вопрос.

Один небольшой эпизод из полевой практики. В районе нашей Архангельской среднетаежной станции был единожды отмечен очень редкий для средней тайги вид – осоед. К кому идти за консультацией? Конечно, к академику по хищным птицам Владимиру Михайловичу! Вспоминаю, как искренне он обрадовался этой нашей находке – это же повсеместно редкий сейчас вид, да еще встреча на краю ареала, в Архангельской области! Как долго и тщательно мы обсуждали дальнейшую полевую работу по изучению хищных птиц, намечали территорию исследований! И как по возвращении с поля он всегда спрашивал: «Как там наш осоед?».

Владимир Михайлович – очень глубокий ученый-орнитолог, в знании экологии хищных птиц ему нет равных. Все мы знаем, что только такому знающему и болеющему за природу орнитологу удалось переломить отношение к хищным птицам, царившее в нашей стране в середине прошлого века. Хищные птицы считались вредными и подлежащими повсеместному истреблению. В своих лекциях и беседах с охотниками Владимир Михайлович доходчиво, терпеливо и с большим убеждением раскрывал роль хищных птиц в природе, их важное место в экосистемах.

Николай Николаевич Дроздов тепло вспоминает лекции о хищных птицах, которые проходили в старом здании Московского университета на Моховой. Лекции собирали до 200 внимательных, заинтересованных слушателей. Владимир Михайлович умел очень быстро создать неизмеримо радостную атмосферу в аудитории, доходчиво и понятно говорил о сложных экологических связях. Его лекции были полны добра и позитива.

Часто после лекций в Московском университете он спешил на лекцию в Зоомузее или в педагогическом университете. Лекциям он самоотверженно отдавал очень много здоровья и сил...

Интересные истории, очень живые, как сама биогеография, Владимир Михайлович с энтузиазмом рассказывал на лекциях. Андрей

Чмыхов, выпускник нашей кафедры, тепло вспоминает встречи с ним: «Владимир Михайлович читал нам лекции по биогеографии, когда я был первокурсником.

В 1967-1971 гг. Галушин был в командировке по линии ЮНЕСКО в Индии, в 1982-1986 гг. – в Афганистане. Об этих командировках он часто вспоминал на своих лекциях. Владимир Михайлович был очень добрым и светлым человеком. Он всегда вдохновлял своим интересом и энтузиазмом к науке.

Профессор был с юмором и часто приводил интересные примеры: "Сейчас девушек обвиняют в меркантильности. Мол, ищут себе парней с квартирами. Но я вам расскажу, как происходит создание пар у дроздов. Когда дрозды прилетают с юга, то самец строит гнездо и начинает петь, привлекая самок. Самка прилетает, осматривает гнездо. Если ей что-то не нравится, она сразу же улетает и больше никогда не вернется к этому самцу. Поэтому, девушки, ищите себе парней с квартирами, это очень биологично!".

В феврале 2017 года (мой первый курс) я заметил на территории кампуса МГУ дрозда-рябинника. Меня это очень удивило, так как рябинники прилетают только в конце марта. В перерыве на лекции я подошёл к Владимиру Михайловичу и спросил его об этом. Профессор пожал мне руку, объяснил мне причину. Когда он продолжил лекцию, то сказал, обратившись к аудитории: "Сейчас ко мне подошёл студент, с которым мы обсудили миграцию птиц. Как же меня радует, что среди вас есть такие интересующиеся люди!". Сомневаюсь, что в своей жизни я когда-либо услышу более ценную для меня похвалу».

Да, он действительно был удивительно светлым человеком. Его доброта всех нас восхищала!

Людмила Георгиевна Емельянова,
доцент кафедры биогеографии географического факультета
Московского университета имени М.В. Ломоносова,
заслуженный преподаватель Высшей школы

Памяти Владимира Михайловича Галушина

Мое заочное знакомство с Владимиром Михайловичем Галушиным началось еще в школьные годы, с прочтения его самой первой популярной книги «Хищные птицы». Эта маленькая, карманного формата книжечка буквально потрясла. Великолепным языком, увлекательностью и живостью изложения, а также – эпиграфом «*Посвящая тем, кто справедлив к пернатым хищникам, и тем, кто станет к ним чуточку добрее*», и заголовком коротенького предисловия «За что?» об

истреблении хищных птиц. И эта книга, написанная молодым Галушиным, для меня, восьмиклассника, исчерпывающе охарактеризовала автора: замечательного ученого, блестящего популяризатора и страстного природоохранного публициста. Того В.М. Галушина, которого мы все – его коллеги, друзья и ученики, знали все эти годы.

Через несколько лет я поступил в МГПИ и узнал, что автор той книги работает на кафедре зоологии и дарвинизма. Среди студентов тех лет В.М. слыл личностью легендарной и полумифической. «Он здесь, но увидеть его почти невозможно. Потому что он то в Индии, то в тундре, то в Ашхабаде» – говорил народ. И на первом курсе мне и в голову не приходило искать знакомства с живой легендой: в начале я занимался работой по хищникам с одной из первых учениц и соратниц Владимира Михайловича – Еленой Ананьевной Сосковой (Лихопек). Через некоторое время, уходя в другое ведомство, она передала меня Владимиру Михайловичу. И с тех пор началась совместная работа и общение, продолжавшиеся без малого полвека...

За столь долгий срок общения с *таким* человеком, как Владимир Михайлович Галушин, непросто выделить что-то совсем особенное: в нем особенным было все. В свое первое поле с Галушиным я поехал летом 1977 г. в Окский заповедник, куда Владимир Михайлович повез две подгруппы из МГПИ на полевую практику, а также маленькую экспедиционную группу. Нашей задачей был мониторинг населения хищников спустя 20 лет после фундаментальных галушинских исследований конца 1950-х годов. Удивительным казалось тогда находить жилые гнезда на деревьях, на которых сохранились еще его бирки двадцатилетней давности.

Память о той эпохе жила не только на деревьях: помню, как теплели глаза суровых старослужащих лесников ОГЗ, когда при встречах на лесных дорогах объясняли им, что мы – студенты Галушина. Уже в ту поездку я мог убедиться, как обаяние, такт и харизматичность Владимира Михайловича на глазах превращают рафинированных практиканток, в первый день впадавших в истерику от одного гула июньских мешерских комаров, в полевиков с горящими глазами, сидящих в лютые грозы на засидках у гнезд и потом, светясь от счастья, показывающих В.М. свои размокшие под ливнем записи.

И еще из той поездки. Владимир Михайлович уехал из Окского немного раньше, и я попросил его опустить в Москве в почтовый ящик письмо родителям. Он не стал этого делать. Он, сразу после приезда, нашел время заехать ко мне домой и передать письмо лично.

А потом были многочисленные совместные экспедиции в Сивую Маску под Воркутой; в Киргизию, где мы, совместно с энергетиками и

А.В. Гражданкиным, проводили эксперименты с птицевосковыми устройствами для ЛЭП; в Калмыкию, где мы проверяли эффективность птицевосков; снова – в Окский заповедник, так любимый Владимиром Михайловичем; в урочище Плющань на «Галичьей горе» – еще одно из любимейших галушинских мест на Земле; в Саратовскую область. И последняя – весной 2006 года, когда, вскоре после долгожданной защиты докторской диссертации, Владимир Михайлович приехал ко мне в «Калужские засеки». Помимо давних учеников, с ним было и не

сколько студентов, впервые попавших с Галушиным в поле. В один из дней, после долгого маршрута, мы возвращались на базу по разбитой дороге. И я помню, как мы, хорошо знавшие В.М., посмеивались, наблюдая за студентами, изумленными, как Владимир Михайлович, на пороге 74-летия, бодро идет далеко впереди, а они не могут его нагнать.

Владимир Михайлович и Алексей Костин в «Калужских засеках», 2006 год

В начале одной из первых совместных поездок Владимир Михайлович задал всем вопрос: Как вы думаете, какова главная задача нашей экспедиции? Найти больше гнезд! Обнаружить

то, это, – отвечали мы. Неет, – сказал Владимир Михайлович. Наша главная задача, чтобы все участники живыми и здоровыми вернулись домой. И вот это доброе и ответственное отношение к людям, безусловно, было одной из ярчайших черт Галушина, проявлявшееся и в поле, и на факультете, и в кругу коллег – орнитологов. Вспоминается, как часто к нему на кафедру приходили люди: от школьников-юнонтов до маститых коллег. Но больше всего – молодых специалистов из заповедников и институтов со всей страны. И все получали благожелательное внимание, поддержку, советы.

Многие знают, что в молодости Владимир Михайлович талантливо играл в любительских спектаклях. Но вот наблюдать В.М. в роли блестящего фокусника, думаю, довелось мало кому. А дело было так. В саратовской экспедиции 1995 года мы, едва волоча ноги после трех-

дневного маршрута по раскаленной, 40-градусной жарой степи и при-волжским оврагам, вернулись вечером на базу – дебаркадер на берегу Волги. И обнаружили там весьма специфическую компанию серьезных людей, собравшихся там «порешать вопросы».

При нашем появлении один из них вдруг с восторгом воскликнул: «Владимир Михайлович Галушин! В «Мире животных!»». Нас тут же радушно усадили за стол. И мы могли убедиться, как тонко и дипломатично Владимир Михайлович умеет общаться не только со студентами, коллегами, министерскими чиновниками и дипломатами ЮНЕСКО, но и с авторитетами из совсем другой сферы. В какой-то момент, когда В.М. благополучно ускользнул из-за стола, гулял по палубе и любовался волжским закатом, главный тамошний гость решил позабавиться, напоив меня.

Огромный бокал с чудовищно теплой водкой, следующие один за другим тосты, от которых нельзя отказать: За редких птиц! За вашу науку! За вашего начальника! И тут собеседник отвлекся, отвернувшись от стола, чтобы выслушать кого-то из свиты. В эту секунду мимо меня неторопливо проходит Владимир Михайлович. Бокал с водкой неуклонным движением исчезает под полой наброшенной на его плечи рубашки. А передо мной оказывается такой же, но пустой! Мой визави оборачивается. Смотрит на бокал – пусто. Выразительно заглядывает под стол – сухо. И тут же переключается на свои дела. А я иду благодарить посмеивающегося Владимира Михайловича.

Вот уже больше 40 дней прошло с кончины Владимира Михайловича Галушина. И горечь утраты останется у всех, кто его знал. Утешает лишь сознание того, что столь долгая, многогранная, яркая жизнь, принеся столько добра и позитива людям, природе и его любимым пернатым хищникам – мало кому бывает послана. И светлая память о Владимире Михайловиче, его научное и природоохранное наследие – навсегда.

А.Б. Костин, к.б.н.,
Москва

С Мэтром на Плющани

Моё заочное знакомство с Владимиром Михайловичем началось с маленькой (136 страниц формата А6), вышедшей в 1970 г. книжки в мягкой обложке «Хищные птицы». В пору тотального дефицита книг о природе и животных, она была глотком свежего воздуха для ученика четвёртого класса, считавшего зоологию делом всей своей будущей жизни. Полиграфия была так себе, но текст – прекрасен!

Одновременно шла передача «В мире животных», где Владимир Михайлович стал частым гостем, затем появилась отличная книга «Хищные птицы леса» с изумительными иллюстрациями Вадима Горбатова. Очно я познакомился с легендарным Галушиным в пору моего студенчества, но как-то мельком, мимоходом – Владимир Михайлович выполнял свою миссию в Кабуле и лишь эпизодически появлялся на кафедре в периоды отпуска. Уже потом общение стало регулярным – на кафедре, в Зоомузее, на конференциях и симпозиумах, защитах и банкетах. И меня всегда окружали его ученики – мои друзья и коллеги.

А в полях мне посчастливилось быть с Галушиным всего единожды – в 1998 году, на его любимой Плющани в Липецкой области. Эта недолгая июньская поездка осталась в памяти одной из самых идиллических. Нас было четверо – Владимир Михайлович, Наташа Кубарева и мы с женой Надей. Ему недавно стукнуло 66, остальным было 30-34. Поезд с Павелецкого вокзала неспешно тащился, останавливаясь у каждого полустанка, мы выбегали, покупали у перронных бабулек землянику и пирожки. На Плющани с раннего утра обследовали лесостепные балки на предмет гнездования разных хищников, в полдень, разморённые зноем и пылью отдыхали в теньке на обочинах грунтовок. Иногда редкие прохожие с удивлением глядели на нас, и Галушин флегматично комментировал (немного мне лстя): «Ну ещё бы! Два дядьки из телевизора валяются в придорожной канаве!»

Владимир Михайлович и Евгений Коблик

Усталые и разгорячённые, вечерами окунались мы в холодный Синий омут, а то и переплывали туда-обратно Дон (надо сказать – весьма неширокий в этих местах). Владимир Михайлович оказался

необычайно сильным и бодрым пловцом, неутомимым пешеходом, а вечера в лагере у костра проходили весело и незаметно с таким-то рассказчиком! От готовки ужинов Галушин отлынивал, но безропотно мыл посуду за всех (уверяя, что очень любит это дело).

Таким же бодрым и деятельным он был и при последних наших встречах. Звонит мне накануне вечером: «Женя, завтра собираемся в музей, не отсканируешь ли мне в вашей библиотеке такую-то статью по луговому луною? Нужна позарез!»

А назавтра на заседании РОСИПа уже не появился – внезапный инсульт... Но почти до последних дней оставался активным в переписке.

Дорогой Владимир Михайлович! Покойтесь с миром – человек мира, человек-эпоха, так много сделавший для хищных птиц и для всех для нас!

Е.А. Коблик, к.б.н.,
Москва

Прощай Учитель, Коллега, Единомышленник, Друг...

Только что узнал – сегодня не стало Владимира Михайловича Галушина. Сейчас просто не могу принять и осознать, нужно время. Первая встреча была в уже страшно далеком 1971 году.

Владимир Евгеньевич Флинт знал о моем интересе к хищным птицам и настоятельно советовал познакомиться с Владимиром Михайловичем. Мол, не откладывая, тебе крайне повезло, Галушин сейчас в Москве, отловить его сложно, он то в Индии, то в Париже, то в экспедиции. Прямо тут же был сделан телефонный звонок, и мне было велено прибыть для знакомства в Центр кольцевания, который тогда находился на ул. Ферсмана, 13.

Ожидал увидеть благообразного академического склада московского профессора и выслушать нудную беседу на умные темы и менторские наставления, но встретил подтянутого, молодежавого, открытого, веселого, необычайно дружелюбного Человека. И тут же получил в подарок несколько книг и оттисков статей с автографами.

А потом были десятки, а может и сотни, встреч в Москве, Питере, Казани, Иркутске, Кисловодске, Воронеже, Твери, Самаре ... в Киеве, Одессе и Кривом Роге, в Минске и Витебске, в Алматы, в Ашгабаде, в Бишкеке, в Кишиневе, в Риге, в Таллинне и Тарту, в Вене и Инсбруке, в Берлине, Кельне и Франкфурте, в Мадриде, Бадахосе и Барселоне, в Варшаве, Познани и Кракове, в Риме и на Сицилии, в Лиссабоне и Порто, в Праге и Братиславе, в Иерусалиме и Тель-Авиве, в Греции, на Мальте, Турции в гостях у моей тети в Батуми,

у меня дома в Тбилиси и много необычайно теплых «московских» встреч в гостях у Татьяны и Владимира Михайловича.

Владимир Михайлович и Александр Абуладзе. 29.09.2017. Будапешт

Последняя встреча была в сентябре 2017 г. на «соколиной» конференции в Будапеште несколько часов на корабле, незабываемая беседа, и на следующий день вместе улетали в Ригу. Мне надо было лететь дальше в Таллин, а Владимир Михайлович решил на пару дней задержаться в Риге и побродить по городу. Потом были только телефонные разговоры, но я всегда надеялся, что еще повидаю Владимира Михайловича.....

А.В. Абуладзе, к.б.н.,
Тбилиси

Прощайте, дорогой и глубокоуважаемый Владимир Михайлович!

Без Вас очень холодно и одиноко. Не побоюсь сказать, что Ваши замечательные книги во многом определили профессиональный путь у сотен людей, и я здесь тоже не исключение.

Книга «Хищные птицы леса», проиллюстрированная великолепными рисунками Вадима Алексеевича Горбатова, просто глубоко потрясла, но сравнительно небольшой тираж не оставлял надежд ее приобрести. Тем не менее я набрался смелости и написал автору о желании приобрести эту книгу.

Вскоре выяснилось, что Владимир Михайлович будет приглашен выступить на заседании ДОПа МГУ в Подмосковном Пущино, и я, не задумываясь, отправился в Пущино на встречу с Галушиным. Там в

Пушино в самом начале 1980-х и произошла наша первая встреча. После интересного и эмоционального выступления Владимира Михайловича я подошел к нему, представился и робко спросил про книгу.

Был почти уверен, что в суете хлопот и многочисленных обязанностей он наверняка забыл про меня. Однако каково было мое удивление, когда он, услышав мой вопрос, полез в портфель, достал оттуда книгу и вручил ее мне с дарственной надписью. Ликованию моему не было предела!

Так состоялась наша первая, но далеко не последняя встреча. Потом мы многократно встречались на различных конференциях, как в ближнем, так и в дальнем зарубежье, вели деловую и личную переписку. Позже даже посчастливилось побывать у него в гостях и вместе жить в одном номере на конференции по хищным птицам Азии во Вьетнаме. Открытость, теплота, доброжелательность, эмоциональность, эрудиция притягивали к нему тысячи людей.

В 2015 г. во время работы 14-й международной орнитологической конференции в Казахстане мне удалось записать видео-интервью с Владимиром Михайловичем в связи с полувековым юбилеем введения запрета на отстрел хищных птиц по всему СССР. Владимир Михайлович охотно, как всегда, согласился поделиться воспоминаниями.

Как же будет всем нам Вас не хватать...

Е.Э. Шергалин,
Кармартен, Англия

О Владимире Михайловиче Галушине

В далёкие 1980-е годы одно из моих первых знакомств с исследованиями Владимира Михайловича Галушина началось с его замечательной книги «Хищные птицы леса». Эта книга была прочитана на одном дыхании и оставила глубокое впечатление. В её тексте, помимо новых знаний о хищных птицах, вырисовывались и перспективы их дальнейшего изучения, так необходимые для выбора направлений предстоящих исследований.

В последующем начались и личные встречи с Владимиром Михайловичем, главным образом на конференциях, а также обсуждения результатов наблюдений за жизнью хищных птиц, оценки состояния популяций некоторых редких видов в горных районах Кавказа. Именно общение с Владимиром Михайловичем определило в то время акцент моих исследований на хищных птицах-некрофагах, сведения о жизни которых тогда были фрагментарными.

Слушая профессиональные доклады Владимира Михайловича,

наблюдая за манерой вести научные конференции, дискуссии, кулуарные неформальные беседы, предо мной постепенно вырисовывался неординарный образ личности этого замечательного учёного, основанный на доброжелательности, открытости, уважении к мнению других коллег, помощи начинающим исследователям.

Одна из конференций Рабочей группы по соколообразным Северной Евразии, 7-я по счёту, проходила в 2016 г. в Сочи на базе Сочинского национального парка, где я тогда работал. Это было большое событие и высокая ответственность: принимать и организовывать столь значимый форум. Конференцию удалось провести на должном уровне, было заслушано много интересных докладов, мы обсудили организационные вопросы рабочей группы. Участники конференции, наверное, помнят произошедшую на ней одну конфликтную ситуацию между коллегами. Но именно дипломатия и авторитет Владимира Михайловича помогли сгладить острую непримиримость оппонентов и привести к снижению разногласий сторон.

Владимир Михайлович был душой неформальных общений в компаниях собиравшихся коллег, находился в центре внимания и, если брал слово, изяществу его речи заслушивались все присутствующие. Так было, например, после Международной орнитологической конференции в Казани в 2001 г. В вагоне поезда Казань – Москва орнитологи, отъезжавшие с конференции, составляли большинство пассажиров. Дискуссии и обсуждение прошедшей встречи продолжались и под стук колёс.

На столике плацкартного вагона появилась бутылка вина, кто-то наполнил импровизированные бокалы, коллеги окружили всё пространство. Но в то время уже было строго запрещено употреблять спиртное в поездах. Тем не менее, Владимир Михайлович поднял тост. Мимо проходил проводник вагона, недовольно посмотрев на тостующего. Но услышав речь и увидев Владимира Михайловича, с одобрением поднял руку, поняв, что перед ним не праздная гулянка, а общение единомышленников.

Светлая память Владимиру Михайловичу Галушину, выдающемуся орнитологу, с которым нам посчастливилось жить в одно время.

П.А. Тильба, к.б.н.,
Сочи

Это было недавно, это было давно...

Строго говоря, Владимир Михайлович Галушин не был моим учителем в прямом смысле этого слова. Мы познакомились в 1960 году, когда я была уже студенткой 4 курса, и все зоологические дисциплины

были давно пройдены. В том году объединили 2 педагогических ВУЗа – наш маленький Потемкинский и большой Ленинский (килька с акулой). Мы, потемкинцы, оказались чужаками – чужое здание, чужие преподаватели. Вот тогда наш «потемкинский» В.Т. Бутьев и привел меня к Галушину: мне нужны были английские названия каких-то птичек (пятязычного словаря тогда еще и в помине не было).

Именно кафедра зоологии и ее преподаватели-орнитологи В.М. Галушин, В.Т. Бутьев и Л.С. Степанян помогли мне тогда освоиться в новой обстановке. Потом заработал студенческий научный кружок, начались выезды на природу во главе с теми же двумя Владимиром – Бутьевым и Галушиным. С экскурсиями, кострами, кашей, шутками-прибаутками. Они не жалели своего времени, возясь со студентами. Это было хорошей школой подготовки к более серьезным летним экспедициям. Правда, я к тому времени была уже более «опытным полевиком-северянином». Два лета на Айновых островах в Баренцевом море под началом Надежды Николаевны Скоковой можно считать даже не школой, а целой академией.

Вот поэтому, видимо, Владимир Михайлович приглядывался ко мне и вдруг предложил поездку с ним на Ямал (как опытному северянину, как он потом признался). Как-то после занятия кружка, он ткнул куда-то в карту и задумчиво произнес: «Вот бы поехать туда, где работала В.И. Осоловская». А это был Ямал, река Щучья. И мы поехали, он организовал это!

Галушин и 4 студента (3 девушки и 1 парень). Вид у нас у всех был, видимо, такой юный, что уже на Ямале над нами шутили – «пионервожатый со своими пионерами откуда-то сбежал». А моей маме соседка сокрушенно говорила: «С кем вы отпускаете Наташу, он ведь совсем мальчик». Владимир Михайлович ухитрился вставить меня в группу ускоренного окончания института и сдачи госов, в которой готовили студентов для преподавания в Африке. Не знаю, поехали ли они в Африку, а я на Ямал поехала! Но вот сделать меня своим заместителем даже он не смог, аргументы были против: девушка, и уже окончившая вуз, значит для института – никто. Заместителем был назначен наш единственный парень, о чем мы впоследствии сильно жалели.

Потом мы долго и тщательно собирались, заполняя кучу тяжелых ящиков. А перед поездкой, и по случаю моего досрочного окончания института устроили небольшую вечеринку, на которой мы с Галушиным решили перейти на «ты», полагая, что в поле это все равно произойдет. Выпили на брудершафт, но забыли, что потом надо поцеловаться. По требованию коллектива и под дружные вопли – поцеловались. Вот с тех пор, с 1962 года, Галушин и стал для меня Володей.

На Ямал мы прилетели 30 или 31 мая. Маленький поселок Каменный на берегу Обской губы, ослепительное солнце, снег по пояс и здоровенные собаки, которые только молча поднимались, когда проходишь мимо. Как только местное начальство узнало, что у нас простые палатки, резиновые сапоги и телогрейки, то к «пионервожатому» добавилось: «А когда за вами высылать санитарный вертолет?». Однако не потребовалось, никто даже не чихнул ни разу! Пока Галушин бегал по поселковому начальству, договариваясь о вездеходе, мы рыскали по поселку, посматривая, где бы что-нибудь полезное ухватить. А он тогда сильно обжег глаза на снегу и солнце.

Потом нас погрузили на вездеход и повезли в тундру. Для лагеря Володя выбрал берег реки Нурма-Яха, где мы и прожили великолепных 2,5 месяца.

Искали гнезда сапсанов, потом дежурили на них, сидя по 8 часов на крошечной скамеечке и почти переговариваясь со знакомыми сапсанихами, проваливались в ледяную воду, набирали полные сапоги воды и еще много чего интересного было. И не было никакой разницы – мы, студенты, и он – преподаватель. Учил, к примеру, что нельзя залезать в спальник в одежде, и сам храбро первым раздевался. В самом начале нашего поселения в лагере «хозяйственный» Галушин выменял у местного оленевода 3-х здоровенных осетров за бутылку спирта. Как же нам потом эти осетры надоели, а строгий завхоз Файка ничего другого не давала, пока не съедим осетров. Они были закопаны в снегу, а снег начал таять...

Среди тундр Ямала, 1962 год

А потом Володя ушел пешком (!) один (!) по оттаивавшей и потому особо опасной тундре. Ему надо было в Москву по каким-то срочным (!) институтским делам, а вездеход за ним прислать забыли. И мы

не знали – дошел – не дошел? А через несколько дней рядом с лагерем (чуть не снеся его) опустился красный вертолет полярной авиации, и нам передали записку «Не утоп». Эта записка, как и шуточный не научный экспедиционный дневник, хранится у меня до сих пор. Как мы его ждали, и какое было счастье, когда он вернулся! А его заместитель студент Вова нас так «достал» за это время, что я, единственный раз за многие годы, поставила условие «или я, или он». И Володя выбрал меня (!), а студент Вова отбыл к взаимной радости на том же вездеходе, что привез Галушина. И дальше мы уже дружно жили с нашим любимым шефом. В его присутствии сразу стало как-то очень спокойно.

В последующие годы было много всего разного и интересного, связанного с Галушиным, – стационары в Жарах и на Онеге, оформление его диссертации, и еще, еще и еще. Но Ямал я помню всегда, да и для Володи он был, мне кажется, незабываем. По-моему, это была его первая большая дальняя экспедиция со студентами. Он был отличный руководитель, вроде бы в открытую ничему не учил, но учил жизни в коллективе в достаточно экстремальных условиях, неукоснительному и без вранья ведению полевых дневников, никогда не терять чувства юмора и даже печку растапливать. Он просто сам так жил, и мы рядом с ним. А еще у нас была любимая песня с такими словами: «В палатке тепло нелегко удержать. И спальный мешок покрывается льдом, Но кто в ней не пожил – тому не понять, Как дорог этот дом». Мы пожили и поняли, и не только это.

Вот поэтому Владимир Михайлович Галушин стал мне Другом на всю жизнь, почти на 65 лет!

Н.Р. Рубинштейн,
Отдел гуманитарных и творческих программ
Московского зоопарка

Казалось, он будет всегда...

Лекционная аудитория нашего биофака была полна взволнованных студентов – ждали нового преподавателя. Импозантный, стильный, интересный, эрудированный, энциклопедичный, элегантный, завораживающий...

Безусловно, он был не единственной харизматичной личностью среди наших ВУЗ-овских учителей, но, определенно, безупречность делового стиля и многие качества, как сейчас сказали бы, западного менеджмента, делали его совершенно выдающимся.

Пожалуй, преподавательская аудитория кафедры орнитологии была самым густонаселенным местом – там всегда толкалась увлеченная и восторженная молодежь. Как важно и интересно, оказывается,

учиться в ВУЗе с историй – возможность живого общения с корифеями, причастность к глубинам науки и дух традиций, частичкой которых ты можешь стать и сам. Я в числе тех, кому профессор Владимир Галушин подарил крылья и любовь на всю жизнь. Любовь к хищным птицам.

Специализацию мы выбирали кто раньше, кто позже. Но, с появлением Владимира Михайловича для меня выбор стал более чем очевиден – до сих пор бережно храню чудесную книгу «Хищные птицы» с дарственной надписью автора и с роскошными иллюстрациями В.А. Горбатова – зачитана мною до дыр была еще тогда.

В период непродолжительных полевых выездов мы несколько раз посещали Окский заповедник. В большинстве своем студенты помогали ухаживать за птенцами стерхов, выполняя несложные работы. Но я и еще несколько мальчишек в любую свободную минуту сбегали из журавлятника поторчать под забором, за которым заманчиво маячили вольеры с размножающимися соколами – руководил питомником в те годы суровый и малоразговорчивый Альбинас Шална, которого мы до одури боялись. Короткую экскурсию по питомнику он провел быстро, строго и неприветливо разглядывая отвлекающую его студенческую шпану. Мы неизменно продолжали торчать у забора, пытаюсь высмотреть и услышать подробности соколиной жизни и, наверное, сами с вытянутыми шеями и напоминали тех журавлят, которых недавно кормили.

Позже была практика в Дарвинском заповеднике. Полевые наблюдения за гнездами скоп, поиски гнезд подорлика, вертолетные учеты, моторки, суточные ритмы кормления птенцов, определение рациона питания, мокрые ноги, полчища комаров, форсирование болот глубиной до подмышек, подъем в 3 утра, байки Галушина за полночь. Мы расходились к 2-м, а в 4 утра гладко выбритый и ухоженный В.М., который жил отдельно, уже вытряхивал сонных студентов на утреннюю экскурсию. Мы жили в домике, на пороге которого несколькими годами ранее был сфотографирован Даррелл.

Основной частью полевой практики были суточные дежурства и наблюдение за гнездами крупных хищников. Дежурили мы по 6-8 часов в «скрадке» неподалеку от гнезда, скрупулезно записывая в тетрадку все возможные активности. Через несколько дней мы стали узнавать скоп «в лицо» по индивидуальным особенностям. Параллельно с дежурством на гнездах, велись наблюдения у водохранилища за охотой скоп. Вечером мы сопоставляли данные и делали предположения о том, кто из какого гнезда в данный момент там охотился.

В самом начале практики мне довелось стать свидетелем охоты скопы... Невероятный восторг – следить в бинокль за совершенством

охоты хищника! Последствия наблюдений приобрели весьма экзотический оборот. С милостивого согласия научного руководителя (ВМГ) и тогдашнего директора заповедника (Андрея Кузнецова) мне разрешили взять из гнезда 3,5-недельного птенца скопы. Прочая жизнь для меня немедленно померкла – местные рыбаки (посмеиваясь украдкой) таскали к домику студенческой практики карасей и плотву, а я с упоением носилась с птенцом, надоедая всем своими рассказами о нюансах нашего общения и первых попытках охотиться на мелководье на полу-снулую рыбу.

Идея «соколиной охоты» со скопой засела в моей голове после красочных рассказов ВМГ и Лены Лебедевой-Хофт о Батумском слете Сокольников (да, да, Лебедева, ты – фея-крестная). Амуницией служила пара брезентовых перчаток, вдетых одна в другую, и репшнур «4-ка». Знание морских узлов превратило шнур в ногавки и должик. Птенец жил под столом на веранде, пугал моих впечатлительных сокурсниц, только меня «узнавая» в лицо. Неделю мы провели практически вдвоем со скопой: Галушин терпеливо сносил мое «помешательство», а коллеги по практике в открытую посмеивались над моей одержимостью. Практика подходила к концу, изрядно растолстевший и прилично перелётававший слётком был возвращен в родительское гнездо, а я получила материал для первого доклада на заседании СНО.

Еще позже состоялась конференция РГСС в Киеве, я с осени до самого начала конференции занималась секретарскими делами – вела карточки участников, сортировала присланные тезисы, внимательно вникала в правила международного дресс-кода.

Потом были сезоны с сапсанами и кречетами на Колыме, куда добирались чудесные весточки из Дарвинского с «приветом» от знакомой скопы, записанные рукой Владимира Михайловича. У ВМГ хватало времени, сил, доброжелательности и внимания на огромное количество дел.

Фото начала 2000-х иллюстрирует, как «человек из телевизора» с радостью откликнулся и поучаствовал в эколого-просветительском проекте для школьников естественно-научного профиля одной из гимназий ЮЗАО Москвы. Организаторами и преподавателями направления были – кто? Верно – студенты Галушина.

Казалось, он будет всегда. Как Елизавета II на троне Великобритании, так и ВМГ в отечественной орнитологии...

Прими, Господи, эту прекрасную душу...

Ирина Кузнецова,

Ассоциация

«Союз сокольников Северо-Запада»

Спасибо судьбе!

Судьба мне подарила великое счастье – любить и быть любимой самым дорогим, самым добрым, самым чутким, самым нежным, самым заботливым, самым-самым-самым...

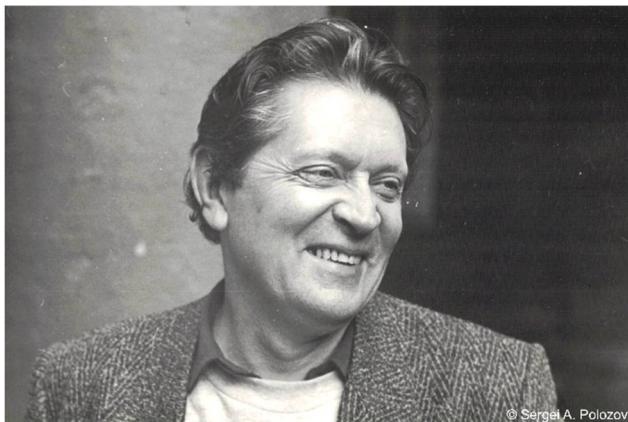
Владимир Михайлович Галушин – моя счастливая жизненная вспышка длиною в целых полвека, всего в полвека, а хотелось и верилось в счастье быть вместе всегда, и всегда опираться на руку, такую родную, такую нужную, такую надёжную...

При рождении его назвали Владиленом. Его детские фотографии и личные дневники подписаны Волей Галушиным. Воля – так называли его дома мама, бабушка и я. Он и был всю жизнь волевым человеком. Ничто и никто не мог заставить его нарушить собственные духовно-нравственные ориентиры. К себе он всегда был крайне требовательным и очень строгим. И в то же время бесконечно добрым и щедрым к друзьям, коллегам, ученикам, и, конечно, к дочери, сыну, ко мне и нашим любимым домашним питомцам, их он называл самыми «многоправными» членами семьи и очень трогательно к ним относился.

Детей – Аллу и Сергея он разумно, по-отцовски баловал. Возвращение папы из любой поездки превращалось у нас в настоящий праздник. Володя любил и умел делать сюрпризы и приятно удивлять нас. Ему удалось научить детей самому главному – никогда не нарушать свои нравственные принципы. Передал он им и любовь к путешествиям.

Ему импонировало высказывание Николая Пржевальского «Жизнь прекрасна, потому что можно путешествовать».

Володя много путешествовал по стране и миру, увлечённо вёл счёт посещённых им стран. Успел побывать в 101 стране! Своей малой Родиной считал небольшой город Ливны. Там у речки Сосна прошло его раннее детство. Мы любили приезжать в Ливны, посмотреть на их сохранившийся домик на маленькой улочке, которая раньше называлась Заливенка. Улыбка судьбы – на этой же Заливенке жил и мой папа, откуда он ушёл на фронт, закончив школу, как и Володя, с золотой медалью.

Сентябрь 1987 года, МГПИ

Куда бы Володя ни собирался – на дачу, в тайгу, тундру, сказочную Индию или военный Афганистан, первым в дорожную сумку или рюкзак отправлялся его полевой бинокль. И чем бы он ни занимался, где бы ни оказался, всегда выкраивал время для наблюдений за птицами. Обязательно всё фиксировал в дневниках. Привычка эта появилась у него ещё в школьные годы, которые он провёл в Горьковской области, куда с приближением фронта был эвакуирован с мамой и бабушкой из Ливен.

В его детских дневниках сохранились схемы его пеших и велосипедных маршрутов с описанием и зарисовками найденных им гнёзд. Первые научные экспедиции начались во время учёбы на биофаке Горьковского университета, по окончании которого он поступил в аспирантуру МГПИ. Тут-то он и занялся изучением хищных птиц и навсегда остался верен выбранной научной теме, своей кафедре и ставшему поистине вторым родным домом педагогическому вузу.

Володя всю жизнь был по-мальчишески азартным. Он любил быструю езду на машине. В молодости мог прокатиться на подножке и даже на крыше вагона, дотронуться перочинным ножом до одного из проводов электрички, демонстрируя, что это абсолютно безопасно. Плавал самостоятельно по Амазонке на каноэ среди хищной живности. Чтобы заглянуть в гнездо пернатых хищников, он ловко взбирался на любые деревья. Для увеличения сцепления с гладким стволом сосны опускал штормовку в водоём или лужу (уж что было рядом), и вскоре оказывался у гнезда. Мог перебраться с кроны одного дерева на другое.

Про его ловкое умение добраться к гнезду на любом дереве шутили: «Чтоб Галушин залез на дерево, нужны: дерево, группа симпатичных студентов вокруг и гнездо. Впрочем, последнее не обязательно». В этой шутке была лишь доля шутки. Ловить восхищённые взгляды студентов было ему всегда очень приятно. Общение с молодёжью и природой дарило ему творческое вдохновение и заменяло отдых. Он любил ездить со своими учениками в экспедиции и на конференции. Успехам своих друзей и учеников он искренне радовался даже больше, чем своим собственным. Преподавал он не просто увлечённо, а артистично, эмоционально. К лекциям всегда тщательно готовился. Его авторский курс по социальной экологии неизменно привлекал внимание не только студентов, но и коллег.

Единственное, чего он так и не научился делать – это полноценно отдыхать. Жажда активной деятельности была неистощимой, работоспособность – уникальной. Рабочий стаж – цифра, в которую, подчитав, сам с трудом поверил – 70 лет. И все эти годы были посвящены любимым занятиям – педагогике и изучению, а также охране пернатых хищников. Он всё делал увлечённо. Володя вообще умел жить как-то красиво, обладал редким талантом превращать простую жизнь в счастливую. С ним рядом всегда было интересно и уютно. Уютно, независимо от внешней обстановки, порой весьма сложной, такой, в которой мы оказались, прилетев в Кабул на долгих 4 года.

Уникальная страна, живущая в своём летоисчислении, особые природные условия с частыми землетрясениями, пыльными бурями, своеобразными бытовыми условиями из-за войны (!), с комендантским часом, ночными обстрелами, терактами. Один из них был прямо направлен на уничтожение нашего ЮНЕСКОвского контракта по созданию в Афганистане первого педагогического института (преобразованного ныне в Кабульский педуниверситет).

Как-то утром, узнав от секретаря, что ректор хочет зайти к нему, Володя сам спустился к афганскому коллеге. И тут же прогремел взрыв. Когда дым рассеялся, выбравшись из полуразрушенной взрывом нашей

преподавательской комнаты, я застала ужасающую картину: кабинета Галушина больше не существовало, даже его стол вслед за фрагментом стены вынесло взрывной волной наружу. Уцелеть при этом не было шанса ни у кого. Спасибо Ангелу Хранителю – живой и даже не раненый, он успокаивал студентов, коллег, отправлял наших пострадавших специалистов в посольскую больницу. Случилось это четыре десятилетия назад. С тех пор мы всегда отмечаем 17 ноября, как наш второй день рождения! Тогда судьба уберегла его...

Когда мы были молоды...

Он жил красиво и ему совсем не надоело жить. Нам всегда и везде было счастливо вместе. Никогда не буду считать себя вдовой. Продолжаю думать о нас «МЫ», по-прежнему приглашаю друзей к НАМ... Не хочу и не буду привыкать к местоимению «Я».

Спасибо тебе, Владимир Галушин – мой Воля, за всё! Любим и гордимся тобой. Алла своего сына назвала Владимиром. Сергей сохраняет фамилию Галушин.

Спасибо судьбе за тебя!

А тебе, Володя, за нашу красивую судьбу!

Твоя Татьяна Галушина

Т.С. Галушина